

ДАЛЕКО ВИДЕЛ НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН

В ПЕНЗЕ Н-СКИХ краях, куда входит избирательный округ, который я представляю, весьма популярна сейчас шутившая песня, в которой есть слова: «...По России славилась бывало лаптями пензями». Так это и было. В царское время края эти, лежащие, так сказать, «во глубине России», в особенности лесистое Засурье с его тощими, скудными землями, не прокармливали земледельца. Своего хлеба ему хватало только до рождения, а дальше земледелец надевал котомку за плечи и шел в отхожие промыслы, среди которых был и такой: спалит оглобли дровней и едет в богатые села Поволжья собирать «на потогорелое место».

Ну, а лаптями своими края эти славились еще со времен царя Алексея Михайловича, и перед первой мировой войной обували они в нехитрую эту обувь почти все степное Поволжье.

Когда во время предвыборной кампании ездил я по этим местам, в Москве гостил мой старый друг певец Поль Робсон с женой Эсландой. Как раз перед этим мы были в опере «Иван Сусанин», и оба они пришли в восторг от старинных русских костюмов. Вот и решил я, попав в эти некогда лапотные края, привезти в подарок старым друзьям, как характерную примечательность бывлой России, две пары лаптей. Но ни героические усилия комсомольцев, обещавших мне найти для любимого певца этот подарок, ни старания товарищей из райисполкома и райкома партии не помогли мне добыть здесь, в Засурье, лапти, изготовление которых еще на памяти моего поколения кормились здесь зимою целые села.

Это маленький штрих, но штрих, как мне кажется, характерный. Он показывает гигантские изменения, которые произошли и продолжают происходить в этом удаленном от больших дорог краю, труженики которого, как когда-то казалось некоторым «теоретикам» из пензенского земства, были богом и самой природой обречены на скудное, полуголодное существование.

Теперь же в этом краю не редки колхозы, доходы которых уже исчисляются не миллионом, а десятками миллионов рублей. Теперь советский пахарь, колхозник или рабочий совхоза, выходит на эти земли во всеоружии новейшей техники, агрономической науки. Теперь благополучие колхозников — у одних медленнее, у других быстрее, — но неуклонно поднимается вверх. Год от году этот подъем становится заметнее.

А бытие, как известно, определяет сознание. Сельский труженик, избавленный от вековой заботы о том, чем завтра накормить семью, во что он оденет зимой жену, обучит детишек, все больше, все смелее, все увереннее думает о том, как он будет жить через год, через два, в конце семилетки, как он обставит свой новый дом, как будет выглядеть колхозная улица. Полати, рубленый стол, лавки и скамьи — эти извечные спутники крестьянского обихода, — его давно не удовлетворяют. Он все настойчивее думает о новейшей бытовой культуре в своем доме, о работе сельских культурных учреждений. Он, и в особенности молодой колхозник, очень озабочен всем тем, что

можно объединить общим понятием — культура колхозного села.

Это мы с вами, товарищи депутаты, видим хотя бы и на примере нашей депутатской почты. Не знаю, как у вас, но у меня лет пять назад главной темой писем, получаемых от избирателей, были: пенсия, жилищные жалобы, мотоколяски для инвалидов. А вот теперь, готовясь к этому выступлению, я перебрал письма, полученные в этом году. Пишут, конечно, и о пенсиях, и о мотоколясках, и на жилищную судьбу жалуются: жизнь есть жизнь. Но генеральной темой писем, которые идут из колхозов, уже стали вопросы культуры села. Целых семь писем с просьбой помочь достать для клубов пианино или рояли... Помогите добыть паровой котел для отопления построенного клуба... Нескольким, и надо сказать, очень энергичных жалоб на то, что не присылают новых фильмов для узкоплечных аппаратов. Есть жалобы на Книготорг, запаздывающий с присылкой нового художественной литературы. «В газетах давно уже написано о той или другой книге, а в нашем раймаге ее нет, будто бы на волах книги в село возят», — не без раздражения написал комбайнер Васин. И, наконец, телевизоры. Пензенский телецентр установил в ряде районов ретрансляторы. Телепередачи принимаются в двадцати районах из двадцати восьми. Уже 14 тысяч телевизоров приобретено населением этого края за последнее время. А вот в селах их хронически не хватает. Группа молодых избирателей из колхоза имени Кирова с обидой пишет: «А чем мы хуже городских людей? Мы тоже желаем по вечерам смотреть телепередачи».

У меня было даже одно письмо, в котором бывший военный моряк, ныне сельский механизатор, просил депутата помочь «записаться на очередь», как он выразился, на первые испытательные космические полеты. Товарищ был обстоятельный, он приложил к письму справку врача о том, что он абсолютно здоров, характеристику от комсомольской организации и даже справку из милиции о том, что к его тезке и однофамильцу из того же поселка, привлекавшемуся в свое время за кражу совхозного зерна, он никакого отношения не имеет.

Вот это очень радостное изменение интересов тружеников села, происшедшее в результате роста колхозного благополучия, — изменение, которое, как мне кажется, многим из нас доводится наблюдать во время отчетных поездок по своим избирательным округам, — говорит, насколько правильно поступил Совет Министров республики, вынеся вопрос о культуре села на обсуждение Верховного Совета.

Мы, советские люди, привыкли считать все в нашей стране собственным. Как нечто свое мы воспринимаем любое достижение Советской власти, и, вероятно, поэтому, выступая с этой трибуны, мы так щедро насыщаем свои речи статистиками цифр, характеризующих эти достижения. Мне тоже дороги цифры, и я позволю себе отступить от этой традиции и просто попрошу вас поверить мне на слово, что сегодняшний Пензенский край, некогда славившийся «лапотным», в области сельской культуры несколько не отстает от других областей нашей Федерации.

Мне же хочется проиллюстрировать

Борис ПОЛЕВОЙ

эти явления культурного роста села двумя жизненными примерами. В дни избирательной кампании приехал я в колхоз имени Ленина Иссинского района, которым давно уже руководит Алексей Прокофьевич Лапшов. Это один из замечательных колхозных людей, влюбленных в свое дело. К нему попадешь — не выберешься, пока он тебе не покажет все хорошее, что в сельхозартеле есть.

Ну, так вот, после предвыборного собрания и повел он меня по улице центральной усадьбы. Ведет и говорит: «Вот здесь наш колхоз строит среднюю школу, а там, подальше, — интернат для ребят с дальних бригад и дом для учителей. А вон там, видите, колышки из снега торчат, там будет колхозный универмаг, да такой, что и в Иссе позавидуют. Ну, а подальше — вон, где торчат вежки, там соорудим комбинат бытового обслуживания, а еще подальше — колхозную поликлинику со стационаром».

Рассказывает он мне все это, а я думаю: колхоз, конечно, в силе, хороший, мощный; 630 семей — почти целая волость у него под крышей и доходы считает миллионами, и трудодень полновесный, электричество и радио в каждом доме, и в среднем на семью две газеты выписывают. В этом я уже убедился, но вот еще одна средняя школа, универмаг, комбинат бытового обслуживания, больничный комплекс — это уж, пожалуй, он расхвастался. Разве столько сразу осилить? И вот месяца полтора назад, осенью, вновь приехав в этот колхоз с депутатским отчетом, я был поражен начисто в этом своем сомнении.

Лето для того края выдалось суровое. Длительная засуха истощила во время налива хлеба, обещавшие по весне быть необыкновенно богатыми. Люди делали буквально невозможное, чтобы спасти урожай, и когда им уже казалось, что засуху удастся преодолеть, жестокий град, прошедший полосой, за полчаса точно бы вытоптал целые массивы. В довершение всего в конце уборки на поля налетел ураган, поразметавший скирды, порывавший крыши с гаражей, с ферм и даже разрушивший некоторые постройки. Представляете себе, как выглядела бы деревня в царские времена, если бы на нее сразу обрушилось столько бед.

Но колхоз не был выбит из седла. После отчетного собрания Лапшов с другими сельскими активистами опять повел меня по усадьбам и показывает: «Вот, помните, я говорил, что строим среднюю школу? Вы, кажется, тогда не очень верили. Вот она — глядите. А это — интернат на 360 ребят. Это — дом для учителей, можете зайти в гости. А вот наша колхозная больница: в ней и терапевтическое, и хирургическое, и зубоветеринарное отделения. Вот универмаг и там дальше — комбинат бытового обслуживания». И, действительно, все это уже налицо, все функционирует. А колхозные активисты говорят: ну, а на будущий год строим еще одну школу на 480 мест и еще детский сад и т. д. И все это в колхозе, на который за одно лето обрушилось столько бед.

Был я в этом колхозе в ту пору, когда наша советская делегация, когда Никита Сергеевич Хрущев в Нью-Йорке развешивали свою борьбу за мир. На собрании колхозники единодушно реши-

ли послать телеграмму в Нью-Йорк Никите Сергеевичу Хрущеву. И, вероятно, под впечатлением только что посланной телеграммы, когда мы пришли к Алексею Прокофьевичу домой, он достал номер «Правды» со страницей, где описана беседа Никиты Сергеевича Хрущева со своими земляками-калиновцами. Вижу: газета уже изрядно затрепана, покрыта карандашными отметками. Чувствовалось, что все читалось, перечитывалось, что над этим думали.

— За последние три года израсходовали мы на строительство близко к 5 млн. рублей. — сказал Алексей Прокофьевич. — А вот, читал я, что говорил калиновцам Никита Сергеевич, и вижу: пожалуй, это маловато сейчас. Тут есть над чем поразмыслить.

Да, именно над вопросами быстрейшего повышения культуры села, над планировкой, над строительством, над оснащением быта колхозников, над коренным, так сказать, перевооружением сельских клубов и дворцов культуры немалое раздумывают сейчас передовые колхозные вожаки. Да простит меня сидящий в этом зале депутат Василий Иванович Аношин за то, что я совершу «агрессию» и вторгнусь в его избирательный округ, но я не могу не рассказать о другом колхозе — колхозе имени Кирова, в котором мне довелось остановиться на обратном пути в Пензу.

Представьте себе сельхозартель, объединившую под своей крышей деревню и села двух бывших волостей — 3 600 тружеников, 58 собственных тракторов, 30 комбайнов, около 90 автомашин. Доход этого, совсем не выдающегося, года — 32 млн. рублей. У колхоза свой Дворец культуры, помещающийся в большом каменном здании с огромным залом, — такой дворец, что мог бы украсить любой районный центр, а в дополнение к нему в бригадах еще 9 сельских клубов, 12 библиотек, в которых общим счетом 35 тысяч книг. Два больших хора — мужской и женский. Самодеятельный театр с постоянной труппой, который руководит профессиональный высококвалифицированный режиссер. За два года театр поставил 35 спектаклей. С пьесой Анатолия Софронова «Стряпуха», которая ему особенно удалась, этот театр выезжал на гастроли в Пензу и, как мне по секрету сообщили

(Окончание на 2-й стр.)

ДАЛЕКО ВИДЕЛ НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

не друзья-писатели, успехом своих постановок, шедших с аншлагом, вызвал даже некоторую творческую ревность у профессиональных актеров...

Примеры эти настолько разительны, что, может быть, кто-нибудь из вас, товарищи депутаты, заподозрит, что я выдаю желаемое за достигнутое, что я, вежливо говоря, гиперболизирую, в чем иногда, и не без основания, читатель упрекает нашего брата-литератора. Но в этом зале сидит депутат Аношин, ни, как говорится, не даст соврать. Приведенный мною пример ему хорошо известен, ибо Василий Иванович Аношин вот уже двадцать пять лет является бессменным председателем сельскохозйственной артели имени Бирова.

Я был бы плохим депутатом, и избиратели были бы, вероятно, мною недовольны, если бы я, поднявшись на эту трибуну, не воспользовался этим для того, чтобы покритиковать, как говорят, «отдельные министерства» и не попросил бы чего-нибудь у присутствующих здесь товарищей министров.

Огромный рост культурных потребностей нашего социалистического села решительно требует пересмотра номенклатуры того, что называется «культурным инвентарем». Гармонист, конечно, еще долго будет не давать спать девушкам, наигрывая у околицы сердцепинатель-

ные мелодии. Но этого сегодняшней деревне уже мало. Сельские клубы Пензенской области, по самым скромным подсчетам, нетерпеливо ожидают уже около 100 пианино, несколько роялей (в том числе есть заявка на один концертный) и минимум 150 комплектов инструментов духовых оркестров. Это очень насущное требование, и нужно, по-моему, это требование удовлетворить.

Очень серьезные претензии предъявляют избиратели к киносети. В колхозах области имеется 130 стационарных установок для узкоплёночных фильмов. За год эти установки получили всего 72 — я не обмолвился, именно 72 — кинофильма по одному экземпляру, то есть по полфильму на установку. За целый год! Очевидно, Министерство культуры само считает, что узкоплёночное кино отжило свой век, если так снабжает его фильмами. Правильно! Однако никаких мер для того, чтобы переоснастить его широкоплёночной аппаратурой, не принимается. Вот это уже неправильно! Страдает бюджет, недополучающий изрядные суммы доходов от кино. Но особенно страдает сельский зритель, который вправе требовать, чтобы сегодняшнее село обслуживалось кинематографией не хуже, чем город.

Думаемся, что объединенными силами всех министерств, так или иначе соприкасающихся с сельской культурой, с ши-

роким привлечением самой сельской общестственности — что тоже важно, — эти особенно острые вопросы будут решены. Больше кинолент! Больше телевизоров! Больше хороших радиоприемников! Больше пианино! Больше инструментов для оркестров! Больше мотоциклов или велосипедов с моторами! Больше книг! Уже в самих этих требованиях сегодняшнего колхозного села, в бурной тяге его к лучшим достижениям культуры находит, как мне кажется, убедительное отражение процесс ликвидации существенных различий между городом и селом, между городским и сельским образом жизни, между городской и сельской культурой, процесс, который является, как мне кажется, одним из радостных признаков выполнения программы великого семилетия. И, наблюдая его, невольно вспоминаешь слова великого пензенца Виссариона Григорьевича Белинского, который когда-то написал, что завидует внукам и правнукам, которым через сто лет суждено увидеть Россию «...стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

И вот сегодня, обсуждая на нашей сессии вопросы культуры села, мы с вами, товарищи депутаты, можем сказать: как же он далеко видел, Неистовый Виссарион!